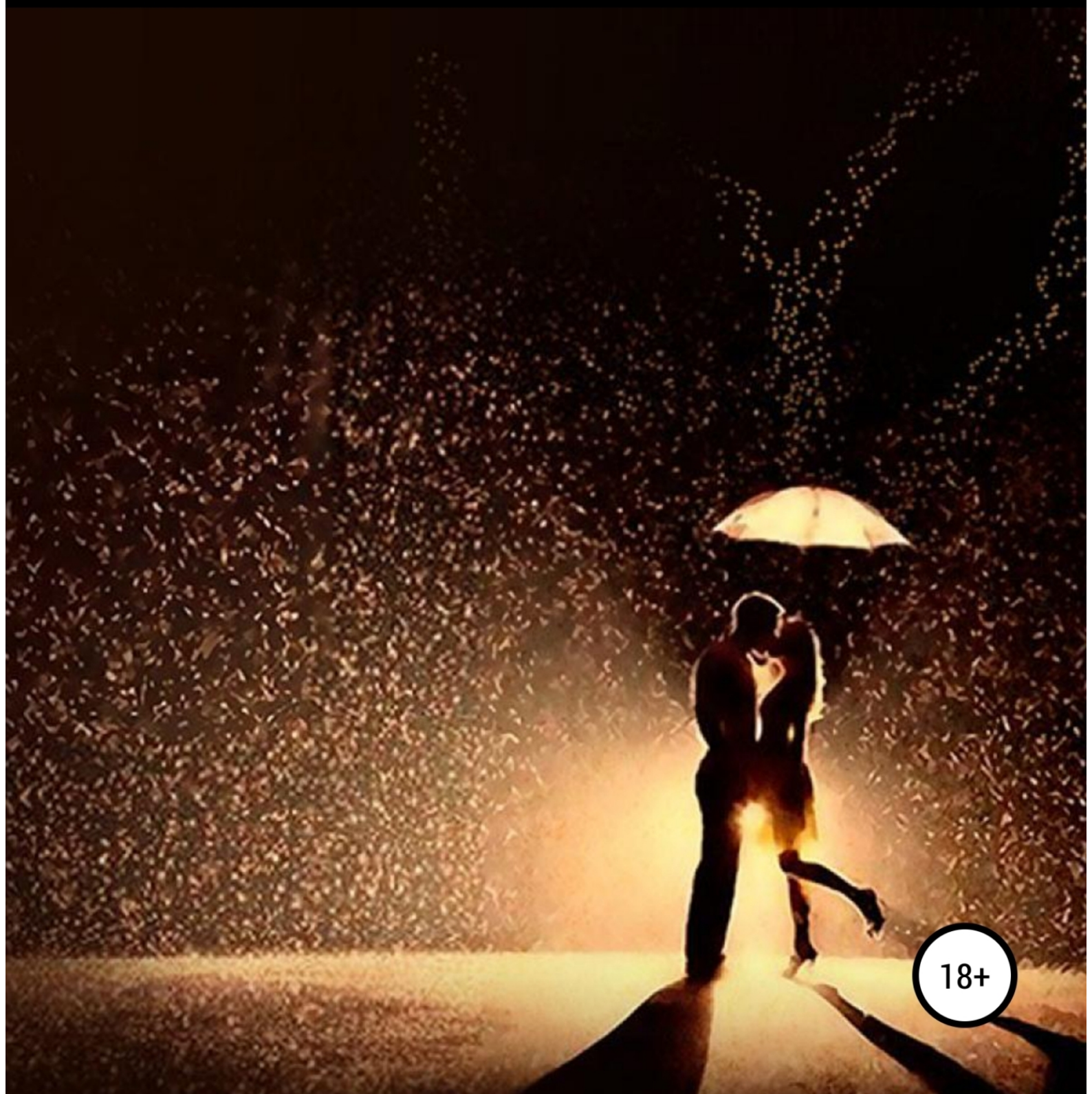

Татьяна Розе

Эра Водолея, или Как жить летая

18+

Татьяна Розе

Эра Водолея, или Как жить летая

«Автор»

2020

Розе Т. В.

Эра Водолея, или Как жить летая / Т. В. Розе — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99947-3

Что нужно женщине для счастья? Принято считать: мужа, детей и интересную работу. А если мужа уходят, а дети не рождаются, хорошо еще, если работа по душе. Но так хочется быть счастливой. Вот и приходят в голову глупые мысли: «Для чего мы живем? В чем смысл жизни?» Почему глупые? Да потому, что смысл жизни в самой жизни, в каждом ее дне, каждом часе, прожитом в гармонии с собой. И тут неоценима помощь друзей. И пусть не все идет гладко, но это и есть жизнь.

ISBN 978-5-532-99947-3

© Розе Т. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Розе

Эра Водолея, или Как жить летая

Памяти Анатолия Валентиновича Диенко – моего друга, моего первого редактора, подвигшего меня на написание этой книги, посвящается

Изначальной всего остального – любовь.
В песне юности первое слово – любовь.
О, несведущий в мире любви горемыка,
Знай, что всей нашей жизни основа – любовь!
Омар Хайям

Пролог

Две подруги сидели на кухне и пили чай.

– Ой, Верочка, какая ты счастливая – через два дня будешь купаться в море, а мне еще месяц торчать в пыльной и жаркой Москве... – говорила, вздыхая, Елена.

– Ты же знаешь, по какому печальному поводу я туда еду, – чуть с укоризной покачала головой Вера. – Скоро двадцать лет с того трагичного дня.

– Да, да, Верочка, я помню. Но все равно... ведь жизнь продолжается, – мечтательно улыбаясь, возразила Елена. – Может, встретишь, наконец, там свою большую любовь?

Вера с усмешкой посмотрела на подругу:

– С чего это вдруг?.. На старости лет?..

– Да ладно... какая ты старая, ты – молодая, красивая женщина. Небось все мужики будут пялиться на тебя на пляже.

– Пусть пялятся, – безразлично ответила Вера. – Надоели все! И хватит болтать, поехали, а то на поезд опоздаем.

Она встала и начала убирать со стола, но подруга поймала ее за руку:

– Нет... Я вымою посуду и уберусь, а ты еще раз все проверь: билеты, деньги, вещи.

Вера пошла в комнату, а Елена, хозяйским взглядом окинув кухню, принялась за дело.

Вскоре они уже сидели в белоснежной «Киа», и Елена, уверенно крутя руль, ловко выехала из ряда плотно стоявших около дома машин.

– Как устроишься – позвони, чтобы я не волновалась, – сказала она.

– Непременно, – улыбнулась ее материнской заботе Вера. – А ты не забудь поливать цветы.

Елена включила магнитола, и остаток пути они проехали под музыку Love Radio...

«На втором пути продолжается посадка на скорый поезд № 25 «Москва—Сочи», – раздалось в громкоговорителе, как только они вошли в здание Казанского вокзала.

– Нам туда, – махнула рукой Вера, быстро сориентировавшись в указателях.

Они нашли свой поезд. Вера протянула проводнице билет, и подруги вошли в вагон. В купе уже сидела семья: мама, папа и маленький мальчик.

– Все, Верунчик, хорошо отдыхай, ни о чем не беспокойся и чтоб нашла жениха на мою долю, если тебе не надо, – скороговоркой проговорила Елена. – Ну, а я побежала, а то в театр опоздаю. – И она чмокнула Веру в щеку.

– Беги, беги, – улыбнулась Вера и вышла из купе проводить подругу.

Поезд медленно тронулся, а Вера еще долго стояла в коридоре, задумчиво глядя на мелькавшие за окном московские пейзажи.

Глава 1

Над морем ярко светило солнце. Легкий ветерок нагонял небольшие волны с белыми барашками на гребне: они то накатывались на берег, то с завораживающим шумом перекаты- вающихся камешков отходили назад.

Игорь Сергеевич сидел в кресле-качалке на балконе номера и с высоты второго этажа созерцал берег моря. Вдруг он видел, как женщина, словно божественная Афродита, вышла из морской волны, и сердце его екнуло и затрепетало.

Сердце, это коварное сердце уже три дня билось, как ему вздумается. Три дня Игорь Сергеевич не выходил к морю и даже не смотрел на него из окна. Только сегодня врач разрешил ему встать и немного посидеть на балконе. Сердце, едва утихомирившись таблетками, все еще было беспокойно. Он ощущал его сбивающийся ритм. Время от времени в груди что-то сильно начинало давить.

«Вот тебе, батенька, и на! Жил, жил и дожил. Как говорится, здравствуйте, пожалуйста: «мерцательная аритмия», и уже хроническая, – размышлял он, усаживаясь в кресло-качалку на балконе. – Словом, призраком становлюсь, мерцаю... Не человек, а фантом какой-то».

Корпус, в котором поселили Игоря Сергеевича, стоял на самом берегу моря. Окна выходили на море, так что ему со второго этажа было хорошо видно все, что происходило на берегу. И когда он увидел эту женщину – обомлел. «Да, – подумал он, глядя на нее, – природа тут хорошо потрудилась». Что-то, а женскую красоту он, старый ловелас, мог оценить по достоинству. «Надо поближе посмотреть на это чудо», – подумал он, встал с кресла, совершенно забыв про все, и на ходу поправляя футболку, медленно спустился вниз.

Было послеобеденное время. Уставшие от солнца люди прятались в тени и прохладе зимнего сада на первом этаже. Он остановился в нерешительности, огляделся: на кожаном диване сидела молодая пара и разглядывала красочные журналы, они тихо смеялись, все время показывая что-то друг другу. А рядом с ними двое загорелых мужчин средних лет за небольшим столиком играли в шахматы. Игорь Сергеевич очень любил эту древнюю игру, поэтому ноги произвольно привели его к ним. Он машинально провел рукой по небритому лицу, ощутил густую, жесткую щетину и вдруг почувствовал себя неопытным.

Он смутился и решил отойти вглубь холла. «А чего это я вдруг испугался? Ведь еще вчера, почувствовав себя лучше, я решил, что не буду бриться, а отпущу чеховскую бородку», – подумал Игорь Сергеевич, как бы оправдываясь перед самим собой. Всегда чисто брившийся, он чувствовал себя неловко, но потом решил не поддаваться минутной слабости. «Уж коли решил, надо держаться. На работу не надо – ну и буду теперь дедом».

Однако смущение не покидало его. Он мысленно ругал себя за мальчишескую выходку – после трех дней постели сойти со второго этажа. Но ему так хотелось увидеть поближе эту женщину.

Игорь Сергеевич увлекся на минуту шахматной игрой и не сразу заметил, как она вошла. Она была в легком развевающемся голубом халатике, большой соломенной шляпе и в шлепанцах. Ее изящные руки были покрыты легким золотистым загаром. Казалось, что и сама она вся светилась, такая от нее исходила энергия. Ее быстрый взгляд неожиданно, на какую-то долю секунды, задержался на нем, и женщина, грациозно помахивая сумкой, пошла вверх по лестнице. Игорь Сергеевич просто остолбенел, и пока она не скрылась, еще долго смотрел ей вслед.

Служительница санатория, случайно наблюдавшая за ним, пробормотала себе под нос: «Черт! Старый, небритый, а туда же».

Игорь Сергеевич наконец опомнился, сглотнул пересохшим горлом слюну и медленно опустился на диван рядом с молодой парой. Рука произвольно потянулась к сердцу.

– Вам плохо? – обратился к нему парень.

– Мне хорошо, – тихо ответил Игорь Сергеевич.

Служительница хмыкнула, покачав головой.

Немного погодя, Игорь Сергеевич осторожно встал и медленно пошел к лестнице. Он, не останавливаясь, поднялся на второй этаж, вошел в комнату и лег.

– Ух, – тяжело вздохнул он, как после изнурительной работы. – Вот это женщина!

Только теперь он заметил, что напрочь забыл про мерцающее сердце. Потом закрыл глаза и задремал. В голове кружили образы каких-то неземных созданий, бестелесных и потому прозрачных. В какой-то момент он ощутил необыкновенную легкость всего тела, ему показалось, что он стремительно взмыл вверх, высоко-высоко, а потом медленно опустился на землю. Он ощутил теплые потоки энергии, растекающиеся по всему телу, особенно в сердце.

Сколько так пролежал, он не помнил. Время будто остановилось. Очнувшись, он почувствовал, будто огромный груз свалился с него. А сердце... оно билось ровно и спокойно: казалось, какая-то сверхъестественная сила остановила этот натруженный механизм, смазала его и запустила снова. Давно он не чувствовал себя так хорошо.

Игорь Сергеевич посмотрел на часы. Было без четверти семь. В семь начинался ужин, есть не хотелось, но он решил спуститься в ресторан, тайно надеясь увидеть ее там.

Он занял место напротив входа за небольшим столиком у окна, которое выходило на море – шумное и, казалось, чем-то недовольное.

Он увидел ее сразу: не останавливаясь в дверях, она прошла в зал, оглядываясь вокруг, поймала его взгляд и, так же как днем, задержалась на нем.

Игорь Сергеевич встал, не отрывая взгляда и словно руководя ее движением, а когда она подошла, отодвинул второй стул и сказал:

– Прошу, если вы не против.

– Спасибо, – не слишком удивленно ответила она и села.

– Меня зовут Игорь Сергеевич.

– А меня Вера Дмитриевна, – ответила она с мягкой улыбкой. – Можно просто Вера.

Игорь Сергеевич сел на свое место. Они пристально смотрели друг на друга и молчали. Ваза с фруктами стояла на столе. Вера машинально оторвала виноградинку и не спеша положила в рот.

– Настоящий? – спросил Игорь Сергеевич с улыбкой, зачарованно наблюдая за ее движениями.

– Кажется, да, – рассмеялась Вера. – Я здесь четвертый день, но вас вижу впервые. Вы только приехали?

Она неотрывно смотрела в его большие серо-голубые глаза под густыми длинными и седыми бровями: какой-то магнетизм исходил от них.

– Нет, я тоже здесь четвертый день, но со мной случилась небольшая неприятность, – также смотря ей в глаза, медленно ответил он.

Наступила пауза. Казалось, они изучали друг друга.

– Какая неприятность? Если не секрет?

– Не секрет – сердце, – коротко бросил он и тотчас спохватился. – Ерунда, в общем: перегрелся малость на солнышке.

– Обидно начинать отдых с болезни, – посочувствовала ему Вера. – А как сейчас? Сейчас-то как себя чувствуете?

– После того как увидел вас на берегу, я себя вообще не чувствую, – улыбнулся Игорь Сергеевич.

Вера рассмеялась.

Подошел официант.

– Что будете? – спросил он равнодушно, как спрашивал это у всех.

– Шампанское! Под эти фрукты, – весело сказал Игорь Сергеевич. – И хорошо бы нам еще коробочку шоколадных конфет.

Официант, молодой парень в белом легком костюме, с интересом посмотрел на Игоря Сергеевича.

– У нас сегодня очень необычный день, – сказал Игорь Сергеевич, весело посмотрев на Веру. На ее лице была тихая и спокойная улыбка.

Парень еще постоял и, наконец поняв ситуацию, пошел выполнять заказ.

«Ей не дашь больше двадцати восьми», – подумал Игорь Сергеевич. Но, присмотревшись получше, по ее серьезному и спокойному взгляду много пережившего человека решил, что, может, тридцать три, тридцать пять лет от силы. «Не очень ли она молода?.. для меня! – с ужасом подумал он. – Что я буду с ней делать?»

А Вера тоже спокойно разглядывала его. Она повидала мужчин: красавцев и не очень, высоких и средних, чрезмерно веселых и зануд, прилипал и безразличных ко всем и всему. Но этот не был похож ни на одного из них. Небритый, бледный, усталый – он резко выделялся на фоне других курортников, которые с семьями и поодиночке приехали в самый горячий сезон в Сочи. Но глаза, эти необыкновенные глаза – они завораживали. Его широкие, все еще гордо расправленные плечи выдавали в нем хорошего в прошлом спортсмена. Вере показалось, что если прислониться к такому плечу, оно не отпрянет, не отодвинется и может быть хорошей опорой в жизни.

Они молчали. Но молчание это было легким и естественным. Из открытого окна долетали крики чаек и звуки беспокойного моря.

– Не обижайтесь, пожалуйста, – осторожно сказала Вера, – но вам бы надо побриться.

– Я хотел отрастить бородку – небольшую, как у Чехова.

– Чехов не дожил, кажется, до седых волос... А вам не идет борода.

– Однако... – смутился Игорь Сергеевич. – Я подумаю.

Пришел официант. Поставил на стол в серебряном ведерке со льдом бутылку шампанского, два фужера на тонкой ножке, положил коробку конфет.

Игорь Сергеевич взял шампанское, ловко открыл пробку, не дав вину вылиться на скатерть, разлил по бокалам.

– За встречу!

– А вам это не повредит? – озабоченно спросила Вера.

– Что наша жизнь? – весело сказал Игорь Сергеевич. – А кстати, знаете, почему она дорожает?

Вера отрицательно покачала головой.

– Потому что не предмет первой необходимости, – рассмеялся он и поднял бокал.

Они чокнулись и немного отпили.

Потом он открыл коробку конфет, протянул ее Вере и сам взял одну конфету, отломил от нее кусочек и бросил в фужер с шампанским. Шоколад утонул, но потом, облепленный пузырьками, поднялся на поверхность. Лишившись пузырьков, он опять утонул, и снова выделившийся из шампанского газ подхватил его и поднял на поверхность. Игорь Сергеевич поднял бокал с поднимающимся и опускающимся кусочком шоколада и показал его Вере.

– Смотрите, все как в жизни: вверх – вниз, вверх – вниз, и так бесконечно. В жизни есть моменты взлета и падений, вдохновения и серой скуки и много всего, – сказал немного грустно Игорь Сергеевич и замолчал. Потом предложил: – Давайте выпьем за то, чтобы мы всегда слушали свое сердце, и чтобы сердце болело только от любви...

– Прекрасный тост! – подняла бокал Вера. – А вы всегда слушаете свое сердце?

– Нет, а зря... Один мудрец сказал: «Разум может подсказать, чего следует избегать, и только сердце говорит, что следует делать».

За разговором время летело незаметно. Уже все отдыхающие разошлись, и только они одни сидели за столиком около окна. Официант деликатно не тревожил их.

– Как вы относитесь к тому, чтобы немного погулять? – сказал Игорь Сергеевич, внезапно обнаружив, что они остались одни.

– С удовольствием, – ответила Вера.

Они встали и пошли к выходу и лицом к лицу столкнулись с врачом Иваном Петровичем. Тот удивленно посмотрел на них и воскликнул:

– Игорь Сергеевич! Как? Вы уже на ногах?

Иван Петрович всю жизнь проработал в одной из московских клиник и, выйдя на пенсию, из-за болезни жены вынужден был уехать из столицы в более теплый климат. Опытный, любящий свое дело, врач старой закалки, он был очень внимателен к своим пациентам и помнил всех по именам.

– Как видите, – весело ответил Игорь Сергеевич.

– Вижу, – сказал доктор, многозначительно посмотрев на Веру. – По-моему у вас появился врач получше меня.

– Закрепите, пожалуйста, за мной этого врача, – смеясь, сказал Игорь Сергеевич.

– Только помните: при лечении очень важно знать меру. Так что не очень усердствуйте. – Иван Петрович погрозил ему пальцем. – Утром после завтрака сразу ко мне.

Потом они гуляли по парку и говорили обо всем: о том, у кого и что видно из окна номера, какая будет погода на следующий день, что любят на завтрак, просыпаются рано, как жаворонки, или спят, как сурки...

Ночью, лежа в постели, Игорь Сергеевич слушал, как за окном шумело море, смотрел, как в темноте южного неба перемигиваются звезды. Ему было странно и дивно сознавать, что где-то совсем рядом находится женщина, которой он вряд ли достоин. Он вспоминал ее очаровательную улыбку и спрашивал себя, почему она, такая красивая и молодая, так легко и просто отозвалась на его ухаживания... «Может быть, – робко подумал он, – это судьба?» И сам испугался этой мысли: «Какая к черту судьба? Просто играет со мной, со старым дураком, пока не подвернется кто помоложе... Ну да ладно: и на том спасибо!»

Глава 2

Утром он проснулся поздно. Встряска вчерашнего дня утомила его, но дала глубокий и спокойный сон. Он чувствовал себя вполне отдохнувшим и легко и быстро спустился вниз.

– Как вы себя чувствуете? – неожиданно услышал он у себя за спиной.

Игорь Сергеевич обернулся. Перед ним стояла Вера. Она глубоко дышала, волосы ее были мокры.

– Спасибо. Чудесно. А вы уже успели искупаться?

– Да, я люблю с утра взбодриться холодной водой.

– А я бодр вчерашней прогулкой, – весело сказал Игорь Сергеевич. – После завтрака вы опять на пляж?

– Да, – просто сказала Вера.

– На то же самое место?

– Откуда вы знаете? – удивилась она.

– Я увидел вас из окна и чуть не свалился с балкона, – рассмеялся Игорь Сергеевич.

Вера улыбнулась:

– До встречи! – и быстрым шагом пошла к себе в номер.

«Как ей идет улыбаться», – подумал он, провожая ее взглядом. Позавтракав, он отправился к Ивану Петровичу, испытывая внутреннее беспокойство.

– Ну, голубчик, давайте я вас послушаю, – сказал врач после приветствия. – Ничего... Ничего... Лучше... Гораздо лучше, – изрекал он, прослушивая его сердце. – Но не обольщайтесь. Продолжайте принимать лекарства. На солнышко пока не ходите, сидите в тени, в море тоже не спешите... И за молодыми женщинами не шибко бегайте, – улыбнулся Иван Петрович.

– А для чего тогда я пью всю эту гадость? – удивленно посмотрел на него Игорь Сергеевич.

Иван Петрович рассмеялся и похлопал его по плечу:

– «Любовь дорого обходится старикам» – так, кажется, называется один из романов Бальзака?

– Спасибо доктор, но, похоже, вы опоздали с предупреждением, – сказал Игорь Сергеевич, вставая и пожимая руку врачу.

Он вышел из кабинета и, немного пошатываясь от какого-то дурмана в голове, вышел на улицу. Яркие солнечные лучи ударили ему в глаза, и он зажмурился.

«Куда пойти?» – подумал он. «Как куда? На пляж», – сам себе ответил он и не спеша пошел по дорожке, ведущей к морю.

Там он сразу увидел Веру. Она лежала на прежнем месте и что-то читала.

– Что читаем? – спросил он, подойдя поближе и усаживаясь под навесом.

Вера подняла глаза.

– Цвейга. «Летняя новелла».

– Припоминаю, – сказал Игорь Сергеевич. – Кажется, там пожилой мужчина, жалея молодую одинокую девушку, пишет ей анонимные любовные письма?

– Совершенно верно, – тихо сказала Вера. – А потом действительно влюбляется в нее и страдает. Вы верите, что такое может быть?

– Что? – переспросил Игорь Сергеевич.

– Придумать себе любовь, а потом вжиться в нее и влюбиться на самом деле?

– Да, пожалуй... Но лучше, если она не придуманная.

Он сидел перед ней, осунувшийся после болезни, седой и, похоже, уставший от жизни.

– Что-то жарко сегодня, как никогда. Не хотите искупаться? – спросила Вера, отводя глаза.

Она была смущена словами Игоря Сергеевича, потому что чувствовала в них неподдельную грусть и тоску, потребность в душевно близком человеке. Она женским чутьем угадала в нем огромный неизрасходованный запас любви, которой у него, возможно, и не было.

– Милый Иван Петрович лишил меня пока этого удовольствия, – грустно сказал Игорь Сергеевич.

– А я, пожалуй, окунусь, – сказала она, поднимаясь. Ее загорелое подтянутое тело было в самом соку «зрелой молодости».

«Молодость – время для приключений тела; старость – для свершений ума», – всплыло в голове у него прочитанное когда-то высказывание. Он смотрел, как Вера неспешной легкой походкой шла к морю, и испытывал удовольствие от одного созерцания ее фигуры в открытом купальнике. «Любви все возрасты покорны», – вспомнил он хрестоматийные слова Пушкина, а затем своего любимого Плещеева: «Блажен, кто в старческие годы/ Всю свежесть чувства сохранил,/ В ком испытанья и невзгоды/ Не умертвили духа сил...»

«Так что не я первый, – подумал Игорь Сергеевич, не спуская глаз с маленькой головки, уплывавшей от берега, – и не я последний!»

Вера не спеша плыла, наслаждаясь прохладой, которую дарила морская вода, и думала о происходящем. Несмотря на относительную молодость, она тоже изрядно устала от жизни, от ее неустроенности... устала привязываться к мужчинам, а потом, по живому, резать... Почему резать? Да так уж получалось. Она не могла по-другому. Познакомившись с кем-то, поверив в искренность чувств, она отдавалась ему вся – душой и телом.

– Ты – ведьма! – сказал ей года два назад ее друг. – Во все времена существовали женщины с неукротимой сексуальной энергией. И знаешь, что с ними делали?

– Что? – улыбаясь, спрашивала Вера.

– Их сжигали на костре!

– За что? – искренне удивлялась она.

– За что? Да за то, что сам не ам и другим не дам, – пояснял всезнающий друг.

– Почему?

– Да потому, маленькая моя девочка, что вершили суд в средние века монахи и импотенты: одним – нельзя, а другие – не могут. Вот они таких, как ты, женщин называли ведьмами и отправляли на костер... На костер тебя, на костер! – кричал он, в экстазе целуя ее.

– Но ты, кажется, не монах и не импотент, – входила она в игру. – Ты же спасешь меня, не отдашь на костер?!

– Не отдам... не отдам!.. – и он жадно обнимал ее.

И все-таки они расстались. В один прекрасный день она поняла, что ее друг не хочет ничего менять в своей жизни, что его вполне устраивает такая греховная связь, а Веру она уже не устраивала.

– Чего же ты хочешь? – сказал он ей. – Ведь ты связалась с женатым.

– Это ты связался со мной. Ты забыл? – спокойно и отстраненно ответила она.

– Вот если бы меня жена бросила, я б на тебе женился, – как ни в чем ни бывало продолжал он.

– Вот как! Спасибо, мне не нужны остатки с чужого стола.

Она всю ночь проплакала в подушку-подружку – и порвала с ним окончательно и бесповоротно.

Но судьба не давала ей возможности отдохнуть от мужчин, от их обольстительных слов, которых жаждет женское ухо. Верно говорят: мужчина – не последний троллейбус, один ушел, другой пришел. Только она успокаивалась, оставшись одна, как на нее, точно шмель на мед, уже летел следующий мужчина и жужжал на ухо сладкие слова.

– О такой женщине можно только мечтать. Ты не женщина, ты – сказка! – говорил ее последний сердечный друг, который также не спешил разводиться с женой.

Два месяца назад она порвала и с этим другом и теперь наслаждалась свободой, тем, что не нужно ждать звонков, утаенных от жены, встреч, сокрытых ее одинокой квартирой...

Вера плавала уже с полчаса, а ей все не хотелось выходить. «Что нужно от меня этому уже весьма немолодому, не очень здоровому мужчине? На что он надеется?» – думала она. Сердце ее было словно зажато тисками разума, который пытался уберечь ее от новых разочарований. «Но надо все-таки выходить», – с сожалением подумала она и поплыла к берегу.

– Ну как водичка, освежает? – спросил Игорь Сергеевич, который терпеливо ждал ее на прежнем месте.

– Замечательная водичка. Может, скоро Иван Петрович разрешит и вам поплавать? – оживленно сказала она, вытирая волосы полотенцем.

– Надеюсь, – ответил он, любуясь, как она вытирала волосы, глубоко дыша.

– Однако скоро обед, – сказала Вера, посмотрев на часы, и стала собирать вещи.

Она взяла в руки книгу, и взгляд ее зацепился за верхнюю строчку страницы: «...Меня увлекло бы в этой любви то, что делает страсть пожилого человека столь похожей на страсть мальчика...» На миг она задумалась: «Страсть пожилого человека!.. Что должен чувствовать мужчина, понимая, что это у него, возможно, в последний раз. Интересно, на что он пойдет, чтобы завоевать любовь молодой женщины? Уж ему-то незачем оставлять чувства на потом, он будет их тратить все без остатка». Она чувствовала, как в ней неудержимо начала просыпаться женщина, и не просто женщина – ведьмака. «Но смогу ли я полюбить этого мужчину? Проверить, что ли, вымыслы этого классика?» Она захлопнула книгу, и они не спеша направились в корпус. Они пообедали вместе и, договорившись встретиться вечером, расстались, чтобы немного отдохнуть.

Глава 3

Комната Веры выходила на север, и поэтому в ней всегда было прохладно. Она с удовольствием села в шезлонг, который стоял на балконе, и открыла книгу. Она еще раз не спеша перечитала «Летнюю новеллу», стараясь понять мир переживаний главного героя, скрытый автором, который хотел, чтобы люди подумали о нем сами...

А Игорь Сергеевич пришел в комнату, плотно задернул шторы, чтобы укрыться от яркого солнца, и включил кондиционер. Скоро стало прохладно. Он прилег на кровать прямо поверх одеяла, не раздеваясь, поднял повыше подушку и заложил правую руку под голову – это была его любимая поза, которая всегда вводила его в состояние философствования во время небольшой дремы. Небольшая усталость еще слабого после сердечного приступа организма, мерный звук кондиционера и с каждой минутой усиливающаяся прохлада расслабили его.

«Что же это за женщина? – задал он себе вопрос, который подсознательно мучил его уже второй день. – Молода, красива, кажется, довольно умна. Но не это, – чувствовал он, – не это создавало ее необыкновенный магнетизм, который с каждой встречей все сильнее притягивал его, зрелого... да что там, – усмехнулся Игорь Сергеевич, – уже перезрелого мужчину к этому очаровательному созданию». За долгую и насыщенную жизнь сначала корреспондента, много ездившего по стране и за ее пределами, потом заведующего отделом культуры столичной газеты, а в последнее время искусствоведа, работающего в Сергиево-Посадском музее-заповеднике, он многое видел и переживал, и ему казалось, что уже ничто не может его удивить и зацепить... или «вышибить из седла», как говорил он друзьям. И от всей этой насыщенной жизни он порядком устал.

«А ведь сколько было женщин! – вдруг засмеялся про себя Игорь Сергеевич. – Куда уж Пушкину с его донжуанским списком». У него на душе потеплело, и он невольно стал вспоминать долгую холостяцкую молодость.

Родился и вырос он в Рыбинске – городе вольном, просторном, как великая русская река Волга, на которой он стоит, и рыбном. Вид только что пойманной рыбы, еще бьющейся в садке, встал перед его глазами, вкус только что изжаренного судака вспомнился ему, и он сглотнул набежавшую слюну. Его большая и дружная семья, в которой было пятеро детей – три сына и две дочери, дед с бабкой, да отец с матерью, жила в большом деревянном доме на окраине города. До революции дед держал рыболовецкую артель и двух сыновей рано привлек к делу. Но старший уехал в Москву учиться, а младший был его надеждой, которому он со временем собирался передать то, что осталось от артели. Это и был отец Игоря Сергеевича.

Рыбы в реке было много, и семья жила безбедно. В хозяйстве не держали даже коровы, так как на рынке все можно было купить. Старшие братья Игоря пошли по стопам деда и отца, стали моряками – ходили на небольших рыболовецких шхунах. Игорь же с детства зачитывался книгами о путешествиях, мечтал объездить весь мир. После школы он не поступил в институт и был призван в армию. Высокого и сильного, его определили на Черноморский флот. Во время морских учений, стоя на палубе корабля, он представлял себя первооткрывателем новых земель, покорителем морей. После отбоя или в ночном наряде он сочинял короткие рассказы, которые, к его немалому удивлению, начали публиковать во флотской газете.

Отслужив, он вернулся в Рыбинск и был принят в городскую газету корреспондентом. В это время смертельно заболел его дядя, и чтобы не пропала его однокомнатная квартира, он прописал туда любимого племянника. В этой небольшой, но уютной квартире и поселился Игорь сразу после его смерти.

Игорь Сергеевич грустно вздохнул, вспомнив, как тяжело умирал дядя от рака легких, как ему трудно было дышать, как он смертельно хотел курить, даже понимая, что именно курение сгубило его некогда крепкий организм...

Но грустные мысли скоро вытеснили воспоминания о женщинах. Он задумался: когда это произошло в первый раз?

По-настоящему сильное чувство к представительнице противоположного пола у него родилось в шестнадцать лет. Это была учительница химии в их школе. Было ей лет двадцать пять, она была красива той первой расцветшей молодостью, которая наступает в начале зрелой жизни. Только что приехав к ним по распределению, она поселилась в небольшом домике неподалеку от их дома. Игорь Сергеевич вспомнил, как первый раз увидел ее и испытал что-то вроде шока.

С девочками он не дружил, так как обучение в школе было отдельное, а все игры во дворе были в чисто мальчишеской компании. Он улыбнулся при воспоминании о том, как часами просиживал около окна, ожидая, когда она покажется на улице, чтобы не спеша пойти навстречу, в упор глядя ей в лицо. Она очень скоро заметила его интерес к ней и пыталась скрыть улыбку за искусственно серьезным лицом.

Однажды вечером, проходя, опять же неслучайно, мимо ее дома, он заметил свет в ее комнате и четкий женский силуэт, склоненный над столом, около открытого зашторенного окна. Он не выдержал, перелез через ограду в палисадник и заглянул в окно. Увидев его, она весело засмеялась.

– Вам спать пора, молодой человек, – сказала она.

– Пора, – вызывающе ответил он и полез в окно.

Она смеялась, выталкивала его обратно, но Игорь был крупным и сильным парнем, выглядел гораздо старше своих лет, а недавно проснувшаяся чувственность делала его настойчивым. Он впервые по-настоящему захотел женщину, и никакие доводы рассудка не могли остановить природу. После получасовой атаки она, зацелованная им, сдалась и... отдалась. Так он стал мужчиной. И всю жизнь помнил, как, опьяненный новым, никогда ранее не испытанным чувством, ничего не соображая, вылез обратно через окно и, шатаясь, побрел домой, как он не мог уснуть всю ночь, переживая свои чувства все снова и снова. Очень скоро мать заметила его нездоровый интерес к молодой учительнице и строго сказала ему:

– Ты, парень, не дело задумал. Кончи школу, а уж потом делай что хочешь.

Но унять молодого, сорвавшегося с повода жеребчика было непросто. Вскоре у его учительницы появился мужчина, и она стала избегать парня, приставания которого приняли вид тихого помешательства. Но ничто не помогало, и тогда она переехала на другой конец города, сменила школу. Игорь выследил ее и однажды вечером опять пришел к ней. Увидев его, она остолбенела, но впустила в комнату и очень серьезно поговорила с ним, рассказала, что любила мужчину и что они собираются пожениться.

Этот простой и по-взрослому доверительный разговор подействовал, и Игорь отступил. Он проявил воистину мужскую силу воли, перебарывая желание бежать к ней. Всю быющую через край энергию он сбрасывал теперь, гоня с ребятами футбольный мяч на пустыре. Забросив учебу, он кое-как закончил школу и, естественно, не поступил в институт.

Первый год на флоте не оставлял времени на подобного рода мечтания, зато как ждал он увольнительной, когда, начистив морскую форму, выходил с приятелем в город и ловил восторженные взгляды девчат.

Вернувшись домой, он полной грудью вдохнул воздух свободы – и понеслось. Калейдоскоп женских лиц закрутился у Игоря Сергеевича перед глазами. Молодой, высокий, жизнерадостный, он легко находил дорогу к девичьему сердцу, а вскоре появились и условия для более содержательных встреч.

Вот Диночка – славная девочка... Он познакомился с нею и ее подружкой, когда был в командировке в Казани. Они, как потом выяснилось, десятиклассницы, прогуливались в парке около гостиницы. Игорь увидел их, весело смеявшихся и облизывавших эскиммо на палочке. Подошел, заговорил с ними. Что он им плел, Игорь Сергеевич уже не мог вспомнить, но через

полчаса он уже вел их в гостиницу, в расчете и на соседа по номеру – такого же, как он, молодого парня.

Диночка была девственница, и Игорь Сергеевич с ужасом вспоминал угрызения совести, которые он испытал при этом открытии, и хотя она очень понравилась ему, жениться он пока не собирался.

Через два дня командировка закончилась, и он уехал из Казани. Каково же было его удивление, когда через месяц окончившая школу Дина приехала к нему в Рыбинск «навсегда», как сказала она.

Надо было что-то делать – и через два дня он позвонил приятелю в Ярославль и, объяснив ситуацию, попросил дать ему телеграмму. На следующий день, когда он был в редакции, ее принесли домой: «Любимый, выезжаю. Встречай в среду. Твоя киска». Он все просчитал и когда пришел домой, Диночка была в ярости и уже собирала чемодан.

– Ты куда? – невинно спросил он.

– На вокзал! – Дина гневно бросила ему в лицо телеграмму. – Я уезжаю домой!

– Я провожу.

– Не нужно... отстань!..

Но он помог ей собрать чемодан, проводил на вокзал и посадил в поезд. Возвращаясь домой, он просто не мог надышаться пьянящим воздухом свободы, хотя и чувствовал себя немного подлецом...

Но чем взрослее он становился, тем чаще вспоминал эту историю с неприязнью к себе и с сожалением, что уже ничего не исправить... И сегодня она опять вспомнилась ему и больно кольнула в сердце. «Хорошо, хоть ребенка не сделал... Прохвост... Свободы, видите ли, ему захотелось», – укорял он себя.

Игорь Сергеевич глубоко вздохнул, глянул на часы – до назначенной встречи было еще много времени. Он взял сборник Хайяма, который приобрел перед поездом в вокзальном киоске, открыл его, но глаза ничего не видели. Через пять минут он осознал, что держит книгу вверх ногами, захлопнул ее и отложил; перевернулся на бок, закрыл глаза в надежде уснуть, но не тут-то было – память снова вернула его в годы бурной молодости.

Молодежные, как сейчас бы сказали, тусовки с вином, девушками, танцами-шманцами заполняли все его свободное время. Он окончил журналистский факультет вечернего отделения института и по-прежнему работал в редакции, где был на хорошем счету, так как был холостым и никогда не отказывался от командировок – чем и пользовалось начальство. В народе тогда говорили: «Командировка – это удовлетворение собственного любопытства за счет государства». И свое любопытство он удовлетворил по полной программе. Он все успевал, но женщины в его жизни были на первом месте.

«Да, – заключил он про себя, – бурная была молодость, ничего не скажешь». Но в конце концов ему все надоело, и в тридцать два года он наконец решил жениться.

Судьба, которая так потакала всем его желаниям и намерениям, не замедлила прийти на помощь, и однажды, сидя с редакционными приятелями в кафе «Поплавок», они увидели за соседним столиком девушку – вполне обычная, девушка как девушка, но, как говорится, все при ней – это они отметили всей компанией. Они все уже были изрядно навеселе, и он тогда, смеясь, сказал во всеулышанье:

– Если я увижу эту девушку еще раз, я на ней женюсь.

Девушка повернулась, посмотрела на него внимательно, потом встала и не спеша пошла к выходу.

Все засмеялись, а он прокричал ей вслед из Омара Хайяма:

*– Лучшие пить и веселых красавиц ласкать,
Чем в постах и молитвах спасенья искать.*

*Если место в аду для влюбленных и пьяниц,
То кого же прикажете в рай допускать?*

Девушка на ходу обернулась и одарила компанию спокойной усмешкой.

Каково же было удивление Игоря, когда на другой день он встретил ее в редакционном коридоре. Она оказалась выпускницей Рыбинского полиграфического техникума и уже с неделю трудилась у них в бухгалтерии... А в кафе ждала подружку, но не дождалась и ушла на всякий случай после его дурацкой выходки, о которой, кстати, уже все в редакции знали. Кто растрепал про нее – было неважно: уж точно не она... он был уверен.

Они почти не встречались: он был, что называется, «вольный стрелок» – и не сидел на месте, а она неотрывно корпела над бухгалтерскими бумажками. Но если такие встречи случались, она чуть кивала ему с затаенной усмешкой и шла себе дальше... и будто говорила всем своим видом: «Ну что с вас взять, трепачи и прожигатели жизни?» И у него почему-то потом долго ныло и сосало под ложечкой, и он не мог уже, как прежде, «порхать» по отделам, расточая комплименты прокуренным редакционным дамам. Но эти же дамы, которые все понимали и все про всех знали, рассказали ему все и про Галину и с горячим интересом ждали развития событий.

А он все больше и больше чувствовал, что его неудержимо тянет в бухгалтерию, но он противился этому чувству, потому что понимал, как все вокруг ждут, когда он выполнит свое обещание.

Ситуация сложилась патовая, и, совсем измучившись, он поступил просто: заглянул однажды в бухгалтерию, вызвал ее и предложил: «Выходи за меня замуж!». Она долго внимательно смотрела на него, стараясь понять «не шутит ли дядя» и осторожно ответила: «Я подумаю».

И ни разу после этого он не пожалел об этом, вот только счастье их длилось недолго: она умерла при родах их первенца, дочки.

Это было так чудовищно и так несправедливо... «Если бог решил меня наказать, то причем тут она?» – часто восклицал он и не хотел жить. Но дочка, это милое крохотное создание! Он не мог оставить ее полной сиротой и ради нее продолжал жить...

Игорь Сергеевич посмотрел на часы – время как будто остановилось. И он решил скоротать его в холле за шахматной партией с кем-нибудь. Надо было как-то отключиться от нахлынувшего на него прошлого и вернуться к настоящему, поскольку он все-таки жив, и кажется, немножко влюблен. Он вспомнил написанные им как-то строки в подражание Хайяму:

*От жизненных тревог мне сердце успокой
И прегрешения мои от мира скрой.
Сегодня дай вкусить мне радость жизни,
А завтра поступай, как Ты решишь, со мной.*

Глава 4

А Вера, отдохнув часок на балконе, захотела пройтись по парку. Она придирчиво оглядела себя в зеркале, поворачиваясь кругом, собралась и вышла из номера.

Она не спеша шла по асфальтированной дорожке парка. Вековые сосны накрывали ее, как шатром. Жаркое солнце не могло достать под плотной кроной деревьев, отыгрываясь на тех, кто лежал на пляже. Вера носком легких спортивных тапочек гнала перед собой небольшой камешек, попавшийся ей под ногу, и с интересом разглядывала людей, шедших ей навстречу. «У каждого из них своя непростая судьба, – думала Вера. – Вот и Игорь Сергеевич, похоже, много чего повидал и пережил на своем веку. Но пока он загадка».

Купив по дороге у бабульки, стоявшей у входа в парк, спелых абрикосов, Вера с удовольствием вгрызалась зубами в их сладкую и сочную мякоть. Выйдя на берег, она сняла тапочки и побрела по мелкому гравию, омываемому прибоем, с наслаждением ощущая прохладу воды. Выйдя на пляж, Вера искупалась и снова углубилась в книгу. Ей нравился глубокий психологизм Цвейга. Она, всю жизнь занимаясь психотерапией, удивлялась, как тонко он понимает психологию человека и точно описывает ее. Увлечшись, Вера не заметила, как подошел Игорь Сергеевич. Он, выиграв две партии в шахматы, удовлетворенный вышел на улицу и сразу заметил ее. Он обрадовался и живо устремился к ней.

– Что теперь читаем? – спросил он, весело глядя на нее.

Вера, вздрогнув от неожиданности, подняла на него глаза.

– «Страх», – коротко сказала она, повернувшись к нему.

Игорь Сергеевич устроился рядом в тени.

– Припоминаю, – сказал он. – Там, кажется, муж решил немного припугнуть жену, а та чуть не покончила жизнь самоубийством?

– Вот-вот, – кивнула Вера. – Муж, узнав о любви своей жены на стороне, нанял женщину-артистку, чтобы та слегка пошантажировала ее. Он хотел вынудить жену признаться в этой любви, чтобы потом великодушно простить ее. Но он не учел, что стыд за содеянное может не позволить жене открыться «благородному мужу», кроме того, он изрядно перегнул палку в мнимом шантаже. И все чуть не кончилось трагично.

Игорь Сергеевич смотрел на одухотворенное лицо Веры и не мог отвести от него взгляд.

– Но мне кажется, что это жестоко, – сказала она.

– Разве? – удивился он. – Разве жена не должна всецело принадлежать мужу?

– А разве муж не должен всецело принадлежать жене? – парировала Вера. – А что мы имеем сегодня? Для женатого мужчины иметь любовницу стало чуть ли не делом чести. А для замужней женщины это по-прежнему страшный грех. Двойная мораль!

Игорь Сергеевич пристально смотрел на Веру, ее искренняя убежденность подкупала его. Ему очень интересно было разговаривать, спорить с ней.

– Что поделаешь, – немного насмешливо сказал он, желая поддразнить ее, чтобы снова увидеть огонь в ее глазах. – Условности, традиции, общественная мораль, всевозможные законы накладывают ограничения на действия человека, являются его оковами. Еще Руссо сказал: «Человек рождается свободным, а между тем всюду он в оковах».

– А мне больше нравится другое высказывание – Шиллера. – Вера в упор посмотрела на Игоря Сергеевича: – «Человек – свободен, даже если он и родился в оковах». – И после небольшой паузы добавила: – Это я о женщинах. Они вольны сами строить свою жизнь.

– Да кто же им мешает?

– Они мешают себе сами.

– Не понял. Переведите!

– Для того чтобы женщине быть хозяйкой своей жизни, ей необходима прежде всего экономическая независимость: она должна владеть профессией, которая сможет прокормить ее и ее детей в случае отсутствия мужа. Пока дети маленькие – это очень трудно, но зато потом... Сколько моих знакомых, вырастив детей, теперь твердо стоят на ногах. Все это умные и интересные женщины, с ними интересно и мужчинам. А если мужчина не дотягивает до ее уровня, то семья часто распадается, но для таких женщин это не трагедия... да они и недолго остаются одни.

– Кем вы работаете, Вера? – спросил он, когда она, выговорившись, замолчала.

– Я врач, работаю в Институте спортивной медицины. Моя работа – психологическая подготовка спортсменов к ответственным соревнованиям.

– О! Очень интересно! Теперь понятно, почему вы так увлечены Цвейгом.

– Да, это действительно очень интересно. Мне нравится наблюдать за людьми, и неважно, спортсмен это или домохозяйка, взрослый или ребенок. Я люблю вглядываться в душу человека.

– Кажется, Ключевский говорил, что прежде психологией называлась наука о душе человеческой, а теперь это наука об ее отсутствии, – грустно улыбнулся Игорь Сергеевич.

– К сожалению, приходится согласиться, что с каждым годом это становится все более справедливо. В погоне за деньгами люди забыли о своей душе, душах своих близких, детей. Посмотрите, что делается с детьми! – воскликнула Вера.

– А что с ним делается? Проблема отцов и детей всегда существовала, и от нее никуда не деться. Дети всегда отрицают то, что делают родители, – попытался возразить он.

– Да я не об этом. Пусть отрицают нас, пусть вступают в спор... но многие ведь ничего не хотят... просто не хотят жить. Вот что страшно. Когда я слышу, как кончают жизнь самоубийством двенадцати-, тринадцатилетние девочки, у меня волосы на голове шевелятся. У меня нет детей – Бог не дал, но я занимаюсь с девочками – художественными гимнастками и люблю их, как собственных. Я не могу представить себе, чтобы мои девчонки, такие красивые, стройные, юные, взяли за руки и прыгнули с крыши высотного дома. Кому это надо? – понизила она голос. – Вы можете ответить?

– Что надо? – переспросил Игорь Сергеевич.

– Чтобы наши дети вот так кончали свою жизнь, – тихо сказала Вера, и Игорю Сергеевичу стало страшновато от ее слов. – По-моему, это какая-то целенаправленная акция по уничтожению нашего народа – нашего будущего. Мы, взрослые, должны бить тревогу. Наши дети остались без идеи, они не знают, для чего жить... да и мы сами...

– Вот именно... А не хотите прогуляться по берегу. – Игорь Сергеевич решил переменить ставшую уж очень серьезной тему.

Жара спала, и солнце стало заметно клониться к закату. Вера собрала вещи.

– Вы меня подождете, я отнесу сумку в комнату?

– Конечно, я буду ждать вас хоть целую вечность.

Вера усмехнулась и ушла своей грациозной походкой, немного утопая ногами в песке, а Игорь Сергеевич неотрывно смотрел ей вслед. «Вот уж правильно говорят, если бы молодость знала, если бы старость могла, – подумал он. – Если бы я ценил в молодости те отношения, которые дарила мне судьба, может быть, и не был бы я сейчас так одинок... И хотя есть дочь и внук – но это другое...»

Неслышно подошла Вера. Она переделалась в светлые бриджи и топ-майку и выглядела совсем юной. «Вот оно, обаяние молодости! – подумал Игорь Сергеевич, непроизвольно дотронувшись до бороды. – А действительно, не сбрить ли ее?»

Вера вывела его из задумчивости.

– Куда пойдём?

– Пойдемте вдоль берега, а то я уже пятый день здесь, а на море почти не был.

– Хорошо, – быстро согласилась она.

Вера сняла тапочки и пошла по воде, загребая воду по икры, – это она очень любила.

– Давайте ваши тапочки, а то промокнут, – сказал Игорь Сергеевич.

– Да что вы, – попыталась отказать она.

– Давайте, давайте, смотрите, кажется, волна усиливается.

Вера искоса посмотрела на Игоря Сергеевича и, улыбнувшись, отдала ему тапочки.

– Ну если вы так просите, – сказала она, догадываясь, что творится в его душе.

И действительно, Игорь Сергеевич, не сознавая того, стремился прикоснуться к ней или хотя бы к ее вещам. Он держал в руках эти маленькие, очень аккуратные, спортивные тапочки, и казалось, они хранили энергию ее ног – таких сильных и красивых. Он глядел на ее ноги, следил неотрывно, как она, преодолевая сопротивление воды, грациозно поднимала их над водой. Мокрые, они так восхитительно блестели при заходящем солнце.

– Расскажите что-нибудь о себе, – попросил Игорь Сергеевич. – Кто ваши родители?

– Мои родители – биологи. Они часто ездили в экспедиции, а я оставалась одна дома, так как бабушки и дедушки жили в других городах.

– А как вы увлеклись медициной? – спросил он.

– Почти случайно. У нас дома была неплохая библиотека: знаете этих старых интеллигентов, которые свободную копейку старались потратить на книги. И маленькой я любила забираться к отцу на коленки и рассматривать картинки в книге, которую он мне читал. Потом я стала читать сама, а отец руководил моим чтением. Однажды он купил альбом с рисунками Леонардо да Винчи. Как сейчас помню, это была цветная книга, как мне тогда казалось, очень большого формата, в ней были рисунки рук, ног, других частей тела, на которых очень четко и рельефно были изображены мышцы. «Что это?» – спросила я удивленно отца. И он объяснил мне, что Леонардо был художником и так он изучал анатомию человеческого тела. «Зачем ему это? Ведь все равно под одеждой не видно», – удивилась я. «Художник должен очень хорошо знать анатомию человека, ведь в эпоху Возрождения людей часто изображали обнаженными, да и в одежде позы должны быть естественными, – объяснил он мне. – К тому же тогда художники часто были и скульпторами».

Вера замолчала. Она улыбалась, было видно, что она вся в прошлом. Игорь Сергеевич опять залюбовался ею.

– И вот этот альбом запал мне в душу, – наконец продолжила рассказ Вера. – Все свободное время, оставаясь одна, я рассматривала эти картинки, сначала пальцем водила по изображениям мышц, а позже брала кальку и копировала их карандашом. Вот, наверное, тогда я познала и полюбила красоту тренированного тела. Мне хотелось самой иметь такое. Когда родителей не было дома, я надевала гимнастический эластичный купальник и, глядя на себя в зеркальном отражении серванта, делала разные упражнения.

Вера рассмеялась, вспомнив, как она девчонкой крутилась перед сервантом, пытаясь за фужерами, тарелками и прочей посудой разглядеть себя.

– А в шестом классе к нам пришла новая учительница физкультуры – Тамара Федоровна. Ее специализацией была художественная гимнастика, и она организовала для девочек кружок. И конечно, я записалась в него первой. Особенно мне нравились упражнения с лентой. Я сделала ее себе сама из куска бамбуковой удочки и длинной ярко красной шелковой ленты. Я крутила ленту всевозможными способами, то кругами, то зигзагом, то вверх-вниз, мне нравилось, что она, как змейка, бежит за мной, почти касаясь пола. Главное, она не должна была завязаться узлом. Меня завораживала эта реющая в воздухе лента, которая была послушна мне. Дома я не могла развернуться с лентой, но все равно крутилась как могла перед зеркалом.

Вера перевела дух.

– Я вас не утомила?

– Нет-нет, что вы. Прошу вас, рассказывайте.

– Ну так вот... Закончив школу, я поступила в институт физкультуры, там познакомилась с будущим мужем, он был легкоатлет. Мы дружили год, а потом решили пожениться. Справили веселую студенческую свадьбу и уехали в свадебное путешествие на море, в Лазаревское. Это недалеко отсюда. – Вера замолчала, на глаза у нее навернулись слезы. – И там он погиб, – тихо произнесла она.

– Как погиб?! – воскликнул Игорь Сергеевич.

– Завтра будет ровно двадцать лет с того страшного дня, – медленно проговорила Вера. – Я помню этот день очень четко, и это не дает мне покоя все эти годы.

Вера долго молчала. Игорь Сергеевич из деликатности не решался что-то сказать.

– Все было так прекрасно! – наконец заговорила Вера. – С утра мы пошли на море, купались, загорали, целовались, накрывшись от любопытных взглядов большой соломенной шляпой. И уже собрались уходить, но было очень жарко, и Андрей решил окунуться на дорожку. Он был очень хороший пловец, любил нырять, глубоко и подолгу. И когда он вынырнул в тот раз... – попал под винт сумасшедшей моторки. Я с берега смотрела за ним и с ужасом увидела большое красное пятно, быстро расширявшееся на воде. Я так кричала. Народ кругом перепугался. Когда его вытащили, он был мертв.

Вера замолчала, она смотрела перед собой ничего не видящим взглядом. Игорь Сергеевич непроизвольно взял ее за руку.

– Я смутно помню, что было дальше. У меня случился страшный шок. Два дня пролежала в бреду с высокой температурой. Я возвращалась в Москву, везя в багажном отделении гроб с любимым мужем. Год не могла оправиться, кошмары снились каждую ночь. Родители всерьез беспокоились о моем здоровье. Мне пришлось взять академку. А когда через год я появилась в институте, то открыли новый факультет – спортивной медицины, и я перевелась на него. Так я стала спортивным врачом-психотерапевтом, освоила спортивный массаж и теперь езжу со спортсменами на соревнования. – Она помолчала. – Завтра я поеду на то ужасное место, положу на воду венки.

– Хотите, я поеду с вами? – спросил Игорь Сергеевич.

– Нет. Я должна быть одна, – твердо сказала Вера.

Вернувшись из Лазаревского, Вера все дни проводила с Игорем Сергеевичем, и к концу отпуска они уже были неразлучны. В поезде она дала ему номер своего рабочего телефона.

Глава 5

Не успела Вера разобрать чемодан, как в дверь позвонили. Это была Елена – ее дорогая подруга Ленка.

– Верунчик, как я рада, что ты приехала, – затараторила она. – Ну рассказывай, сколько сердец покорила? Наверное, все мужики были у твоих ног?

Ленка забралась на диван с ногами, поджав их под себя.

– Пошли на кухню, – улыбнулась Вера. – Я сейчас приготовлю пирог, попьем чаю.

– Ну все-таки, кто он? – не унималась Ленка. – Молодой, красивый, атлет? Опять жена-тый? Ну чего ты молчишь? – теребила она Веру, усаживаясь за стол.

– Да успокойся ты, – засмеялась Вера. – Не молодой, а старый, не атлет, а похоже, больной и старый.

– Да брось ты, – не поверила Ленка.

– Да не брось, а подними.

Елена удивленно смотрела на Веру, которая деловито хлопотала около плиты.

– Ну все равно, рассказывай, – не отступала подруга.

У них не было друг от друга секретов, и потому Вера не спеша начала рассказывать об отпуске, об Игоре Сергеевиче, умолчав совсем немного.

– Человек он очень интересный, – подытожила она свой рассказ, – но ничего серьезного тут не получится. Он старше меня на двадцать четыре года.

– Ну разница в возрасте не помеха, был бы человек хороший, – сказала Елена, когда подруга замолчала и грустно посмотрела на нее. – Мой отец был старше мамы на двадцать лет, а прожили, как говорится, душа в душу. Отец – коренной москвич, привез маму из провинции, из Казани, настоял на том, чтобы она пошла учиться на театроведа. Сам-то он был актером, часто брал меня с собой на репетиции. Вся моя юность прошла в театре – за кулисами или в зале. Ах, какое было прекрасное время! И папа был жив, – вздохнула Елена. – Они с мамой много говорили о театральных постановках, к нам часто приходили актеры – друзья отца. Было шумно и весело. Все было пропитано атмосферой театра, поэтому после школы у меня не было сомнений, куда идти – только в театральный. Там и встретила Виктора, – грустно заключила она.

– Никак не забудешь его?

– Первая любовь! – вздохнула Елена.

– Он тебя бросил одну с ребенком, да еще в такое трудное время! – напирала на подругу Вера. – А ты еще вздыхаешь по нему. Сколько раз тебе говорила, выбрось его из головы. Такое не прощают.

– А я ему все простила. Сначала злилась, а потом поняла, что женщина психологически сильнее мужчины, и простила его.

Вскоре испекся пирог. Подруги пили чай и за разговором не заметили, как пролетело время.

– Ой, уже одиннадцать, – вдруг спохватилась Елена. – Пошла я. Меня Максимка, наверное, заждался.

– На, передай ему.

Вера протянула половину пирога Елене.

– Да куда столько? – запротестовала та.

– Бери, бери, мальчику калории нужны. Студенты всегда голодные.

Вера чмокнула Елену в щечку и проводила до двери. Помыв посуду, она приняла душ и легла на диван, открыв томик Цвейга. Но ей не читалось. Ленка занимала ее мысли.

Когда Вера переехала в этот дом, Елена жила с мужем Виктором в квартире напротив и была беременна. Казалось, не было пары счастливей их. Они только что окончили театральный институт. Как семейная пара, оба получили распределение в драматический театр имени Гоголя. Они были молоды, полны творческих планов и не обременены бытовыми проблемами. Родители Виктора уступили им двухкомнатную квартиру, а сами переехали к бабушке. Жить отдельно – это ли не мечта каждой молодой пары. Они самозабвенно играли в театре. Виктор был очень талантлив, и его уже заметили критики.

До последних дней беременности Елена приходила на каждый спектакль с участием мужа. Он украдкой смотрел на нее со сцены, и это окрыляло его. «На меня смотрит самая лучшая женщина на свете, – думал он, – и у нас будет ребенок. Это будет сын, – был он уверен, – он будет, как его родители, служить искусству, которое призвано делать людей лучше, облагораживать их души и мысли».

В конце лета родился Максимка. Был погожий августовский день. В восемь сорок пять утра на свет появился новый человечек и сразу закричал, оповещая об этом весь мир. «Три килограмма семьсот граммов, пятьдесят три сантиметра», – с гордостью говорила потом Елена. Счастью молодого отца не было границ. Он каждый день приходил в роддом, приносил букет из пяти роз, каждый раз другого цвета, задарил медперсонал конфетами и шоколадом. Дома пригласил друзей-актеров, и они гуляли так, как умеют гулять только актеры, – шумно, весело, бесшабашно.

За день до выписки жены из роддома Виктор вычистил всю квартиру, накупил цветов, расставил их в красивые вазы. «Мой сын должен жить в красоте», – говорил он себе.

Но их семейное счастье длилось недолго. По стране уже шагала перестройка. Люди были озабочены самыми что ни на есть земными заботами: как заработать на жизнь себе и детям? Театры опустели, актеры бедствовали – каждый зарабатывал, чем мог. Кто пел или играл в переходах, кто ушел в торговлю. А Виктор не мог приспособиться к новой жизни. Он перестал бриться, отпустил бороду. Он совсем пал духом – только лежал на диване и читал книги. Перечитал уже в который раз всего Пушкина, потом Чехова, Толстого, одного и другого, потом Лескова, Мамина-Сибиряка.

А когда Максимке исполнилось два года, Виктор ушел из дома. Лежал, лежал, а потом неожиданно встал и, пока Елена была на кухне, ушел. Больше его никто не видел. Но через год каждый месяц стали приходиться денежные переводы без обратного адреса. Штамп был Костромской области. Его предки были оттуда. Видно, там он нашел не только себя, но и заработок.

Так пятнадцать лет Елена жила одна с сыном, воспитывала его, работала в театре и пыталась периодически устроить личную жизнь.

«Несчастливая женщина, как и я, – грустно подумала Вера. – Да и чему удивляться, ведь Ленка тоже по гороскопу Водолей». У Елены день рождения был четырнадцатого февраля, а у Веры – двенадцатого, с той лишь разницей, что Вера была старше на два года.

Родившись в День святого Валентина – День влюбленных, Елена сама была воплощением всех влюбленных, любвеобильна, всегда была готова прийти на помощь любому. И многие этим пользовались. Звонили, просили денег, а потом подолгу не отдавали. Вера ругала ее за это. Та клялась, что больше никому не даст, а потом все равно давала. Она крутилась как могла: шила, вязала, стряпала, консервировала и всегда у нее был порядок. «Когда она все успевает? Работа, ребенок», – удивлялась Вера. Но Ленка, как перпетуум мобиле, все время что-то делала, не позволяя себе раскисать в трудные минуты. А таких в ее жизни было хоть отбавляй.

Когда Виктор ушел, Елена стала просить Веру посидеть с сыном, если у нее были вечерние спектакли или очередное свидание. И Вера охотно соглашалась. У нее не было детей. После того трагического случая, когда у нее на глазах погиб любимый муж, она, спортсменка, не

могла выносить ребенка. Она долго лечилась от нервного срыва, но увы... Позже, выйдя замуж, она четырежды беременела, и всякий раз в пять месяцев у плода останавливалось сердце. Дети не хотели жить в ее вполне здоровом теле. Она думала, что свихнется. И в последний раз она действительно чуть не сошла с ума. Когда вновь у плода остановилось сердце, гинеколог-мужчина отправил ее в больницу, а Вера не соглашалась.

– Не трогайте его. Он спит, – говорила она врачу, поглаживая живот. – Он поспит и проснется.

– Вы с ума сошли, – увещевал ее врач. – Это опасно для вашей жизни. Вы можете умереть. Нужен срочный аборт.

Но Вера не соглашалась.

И после этого она дала зарок больше не беременеть. Может, и с мужчинами у нее не складывалось потому, что не могла родить. Они уходили от нее, и Вера их понимала и не удерживала, и расставались они по-хорошему. Первый муж оставил ей однокомнатную квартиру, а второй – недостроенный дом на окраине Москвы. Он начал его строить в самом начале перестройки, когда, попав в первые ряды удачливых предпринимателей, хорошо заработал. Это был старый поселок в некогда подмосковном местечке в излучине Москвы-реки: дома в нем строили пленные немцы сразу после войны. Теперь Москва вплотную обступила этот маленький пятючок земли, но не тронула его, не снесла, так как кругом еще было полно свободного места. Вера потихоньку обустроила дом и переезжала туда на лето.

Одно время она страстно желала удочерить девочку, даже два года обивала пороги детских домов и уже выбрала себе двухлетнюю Оксану. Но не сложилось. Она не смогла преодолеть бюрократические препоны и, намучившись и наплакавшись, успокоилась, отступила от своей идеи.

Потому она взяла на себя с радостью часть материнских забот подруги и хозяйничала у нее. Она кормила Максимку, играла с ним, стирала его грязные колготки, вечно дырявые на коленках, штопала их, а потом вечером укладывала его спать. Она любила брать мальчика на руки, прижимать к груди теплое детское тельце и ходить с ним по комнате, напевая песенку или рассказывая сказку, стоя у окна. С двенадцатого этажа хорошо был виден засыпающий город; она любила смотреть, как гасли один за другим огоньки в окнах, как неожиданно появлялись новые. Лена ругала Веру за такие укачивания, так как ребенок требовал и от нее такого же, но та ничего не могла с собой поделать.

Максимка заговорил поздно. И первым его словом было «мама», вторым – «Вера». Позже он соединил эти два слова и звал ее «мама Вера», а Елену – «мама Лена». Так он и рос. С двумя мамами: «мамой Леной» и «мамой Верой». И непонятно, кого он любил больше. Обделенный отцовской любовью, он был богат материнской.

В пять лет Максимка, посмотрев какой-то мультфильм, спросил Веру:

– Мама Вера, а кто такие динозавры?

– Ну об этом мы поговорим с тобой завтра, а сейчас тебе пора спать. Давай иди в ванную, чисти зубы.

Максимка послушно шел в ванную, доставал маленькую щетку и по-деловому долго и тщательно чистил маленькие зубки, не забывая при этом закрыть тюбик с пастой.

На следующий день Вера обежала книжные магазины, скупив все книги про динозавров. И, как исполнительный студент, села изучать литературу. Вечером она сидела с Максимкой на диванчике и рассказывала ему, какие это были большие и удивительные животные. Ребенок слушал, открыв рот.

Потом Вера купила где-то маленьких игрушечных динозавриков, и они устраивали целые представления из жизни доисторических животных.

– Какая у нас сегодня будет эра? – улыбаясь, спрашивала она ребенка.

– Мезозойская, – серьезно отвечал Максимка.

– А какие там были животные?

И пятилетний ребенок подробно рассказывал о динозаврах, живших в этот период, что они ели, как охотились.

Вера говорила:

– Ты, наверное, будешь палеонтологом?

– Нет. Когда я вырасту, – отвечал он очень серьезно, – стану врачом и буду лечить дедушку и бабушку. У них часто болят ноги.

– Что тебе мешает быть и тем и другим? – говорила Вера, усаживая его к себе на колени.

– А разве так можно?

– Конечно. Ты же еще хочешь быть путешественником. А в экспедиции нужен врач, ведь люди могут заболеть. Вот ты и будешь их лечить.

– Понял. Я буду как Юрий Сенкевич – врачом-путешественником, – медленно сказал малыш.

– Правильно, – поддержала его Вера.

В шесть лет Максимка начал «выпускать» журнал «Вокруг света». Он брал четыре листочка машинописной бумаги, скреплял их степлером в книжечку, писал цветными фломастерами заголовок, старательно выводя печатные буквы, что-то рисовал и чертил, наклеивал рисунки и какой-нибудь текст из цветных журналов.

Закончив работу, Максимка «прочитывал» журнал сам, а потом шел к Вере. Он звонил в дверь, и когда Вера открывала ему, серьезно спрашивал:

– Вы на журнал «Вокруг света» подписывались?

– Да, – так же серьезно отвечала она.

– Вот ваш журнал, – доставал он из-за спины очередной номер «Вокруг света». – С вас пять рублей за журнал и рубль за доставку на дом.

Вера давала «почтальону» десять рублей и конфету.

– Вам сдачи четыре рубля, – быстро считал Максимка.

– Учтите, пожалуйста, эти деньги при доставке следующего номера, – серьезно говорила она, еле сдерживая улыбку.

– Хорошо.

«Почтальон» что-то записывал в записную книжечку, которую ему подарила Вера, брал десятку, аккуратно укладывал ее в кошелек и, разворачивая конфету, уходил.

А теперь мальчик вырос и превратился в невысокого, ладно сбитого юношу. Он окончил школу и поступил в медицинский институт. «Как хотел, – подумала Вера. – Не изменил детской мечте». Он уже брился каждую неделю и говорил басом. А недавно он пришел с девушкой Настей – стройненькой, как тростинка, нежной, как легкий ветерок, и улыбающейся, как весеннее солнышко. Вере она очень понравилась.

Глава 6

На следующий день Вера отправилась на работу и сразу окунулась в привычную круговерть. Ей казалось, что никуда она не уезжала.

Позвонил заведующий.

– Вера Дмитриевна, документы уже оформлены, через две недели в Париж с гимнастами. Так что опять собирайте чемоданы.

– Это мы запросто, – ответила Вера, улыбаясь.

Она любила путешествовать, а Париж был ее давней мечтой. Перед отъездом в отпуск она сдала документы на оформление, но, как все, суеверно никому не говорила об этом, боясь сглазить. «Кажется, жизнь начинает налаживаться», – подумала она и неожиданно вспомнила про Игоря Сергеевича. Волна воспоминаний об их последнем вечере нахлынула на нее. «Неужто я влюбилась в него?» – усмехнулась про себя Вера.

Из задумчивости ее вывел телефонный звонок.

– Вера, здравствуйте. Еще не забыли нового знакомого?

– Ну что вы, как можно? – сразу узнала она голос Игоря Сергеевича. «Легок на помине», – промелькнуло у нее в голове. – Как вы добрались?

– Все в порядке. А как вы?

– Спасибо, у меня тоже все нормально.

– Я хочу вас видеть, – выпалил он.

– Никак вы соскучились? Мы ведь расстались всего два дня назад.

– Не всего, а уже два дня. Я привык видеть вас каждый день, и мне этого очень не хватает.

– Неужели?! – рассмеялась Вера. – А у меня хорошие новости, – не смогла удержаться она. – Мне скоро опять в дорогу.

– Вот как? – удивился Игорь Сергеевич. – Куда на этот раз?

– В Париж, – нараспев протянула Вера. – Скоро первенство Европы по гимнастике.

– В Париж?! – переспросил Игорь Сергеевич. – Вера, нам нужно увидеться, – после паузы серьезным голосом сказал он. – У меня к вам важный разговор. Как насчет сегодняшнего вечера?

– Я закончу работу в семь.

– Тогда в половине восьмого я буду ждать вас у памятника Пушкину.

Без четверти восемь она была на Пушкинской площади. Она сразу увидела Игоря Сергеевича, он сидел на скамейке, был очень задумчив и не заметил Веру, пока она не под села к нему.

– У вас что-то случилось? – спросила она вместо приветствия.

– Ну... не то чтобы... – медленно сказал он, переведя взгляд на нее.

Вера выжидающе смотрела.

– Когда я приехал с юга, меня ждало письмо, – прервал наконец молчание Игорь Сергеевич.

– Какие-то неприятности?

– Это давние семейные дела. Вы не торопитесь?

– Нет, нет, – поспешила заверить его Вера.

– Спасибо, Верочка. – Игорь Сергеевич благодарно пожал ее руку. – В Сочи я немного рассказывал вам о своей семье, об отце, дяде, который меня очень любил.

Вера кивнула.

– Но у моих дедушки и бабушки, кроме двух сыновей, были еще и две дочери – Аня и Соня, – продолжал он. – Сонечка была старшей в семье, а Аннушка – самой младшей, она была любимицей дедушки. Когда грянула революция, им было семнадцать и семь лет соответ-

ственно. Семнадцать лет, – мечтательно улыбнулся Игорь Сергеевич, – прекрасный возраст для первой любви. Уж не знаю, каким образом Соня познакомилась с французским моряком, но в разгар гражданской войны она сбежала с ним за границу, а с любимой сестрой увязалась и Анна. Дед, когда узнал о побеге дочерей, долго ругался и в конце концов запретил произносить в доме их имена. Беглецы, хоть и с приключениями, добрались до Франции и обосновались в Марселе. Изредка они присылали о себе весточки. Но вскоре письма перестали приходить. И вот недавно Анна прислала в Рыбинск большое письмо. В нем она рассказывала, что Соня умерла двадцать лет назад, оставив сыну Филиппу, который родился у нее от французского моряка, довольно большое наследство. Но Филипп растратил его, увлекшись скачками, а позднее и пристрастившись к наркотикам. Он нигде не работает и не скрывает от тетки, что надеется и на ее наследство. Сама Анна замуж так и не вышла. После смерти мужа Сони – французского моряка – сестры перебрались в пригород Парижа, где сейчас и живет Анна. Ей уже девяносто лет, детей нет, и она хочет оставить все свое наследство родственникам, живущим в России... Из Рыбинска мне переслали это письмо и спрашивают, что делать. Меня всегда считали самым умным в семье, – усмехнулся он. – Узнав, что вы едете в Париж, я подумал... Ну, в общем, я хотел просить вас заехать по указанному в письме адресу и передать тете Анне небольшой презент и прояснить, по возможности, эту историю с наследством.

– Конечно, я выполню вашу просьбу, – живо откликнулась Вера. – Мы будем в Париже две недели, и я постараюсь найти вашу тетушку. Правда, я плохо знаю французский язык, но у меня есть друзья в Париже, я думаю, они мне помогут.

– У вас добрая душа, ангел мой, – растрогался Игорь Сергеевич.

– Ну что вы, пустяки, – засмушалась Вера. – Готовьте посылку. А сейчас, может, мы прогуляемся немного?

– С удовольствием. Кстати, совсем забыл – я ведь взял билеты в кино, – улыбнулся он. – До начала еще целый час.

– Вот и отлично.

Они поднялись и пошли по Бульварному кольцу. А потом они сидели в темном зале, и этот уже немолодой и убеленный сединой мужчина, как школьник, держал ее руку и нежно гладил.

Глава 7

Спортивная делегация России уже начала расходиться по номерам отеля, когда Вера услышала громкий голос:

– Вераша, привет!

– Боже мой, Жан-Поль! – узнав старого приятеля, воскликнула Вера, очень обрадовавшись.

Они бросились в объятия друг друга.

– Как ты узнал, что я здесь? – спросила она, когда утихли первые эмоции.

– Встречаю и устраиваю делегации, – на хорошем русском языке с приятным акцентом ответил мужчина. – А ты, как вы, русские, говорите, все цветешь, – радостно улыбался он.

– Спасибо.

– Мне надо работать, – немного огорченно сказал он. – Давай вечером встретимся, посидим в баре, поболтаем.

– Давай, – согласилась Вера, вспомнив, как еще в самолете перебирала в уме немногочисленных французских знакомых, чьими телефонами она располагала. Жан Поль в этом списке был первым. «На ловца и зверь бежит», – подумала она.

– Тогда в восемь часов я зайду за тобой. Какие у тебя апартаменты? – спросил он.

Вера назвала номер комнаты, и они распрощались. Остаток дня ее не покидало радостно возбужденное настроение. Ведь так приятно встретить в чужой стране знакомого.

Ровно в восемь часов раздался стук в дверь.

– Входите, открыто! – крикнула она.

На пороге номера появился сияющий Жан-Поль в элегантном светлом костюме и с букетом белых хризантем.

– О, Жан-Поль, ты, как всегда, галантен! – принимая цветы и подставляя щеку для поцелуя, воскликнула Вера.

– Вераша, ты обворожительна.

Вера засмеялась, ее всегда забавляло, как он произносил ее имя.

Они спустились в бар и сели за маленький столик, стоявший в глубине небольшого полутемного помещения. Народу было немного, тихо играла музыка, и они могли спокойно поговорить.

– Ты ведь журналист. И почему делегации? – первой не удержалась от расспросов Вера.

Мать Жан-Поля была русской, и поэтому он хорошо знал русский язык. Слушать его свободную и правильную русскую речь с легким акцентом было очень приятно.

– Я теперь работаю в спорткомитете, занимаюсь организацией международных соревнований, а по совместительству спортивный обозреватель «Спорт-Трибуны». А ты? Как поживаешь? Не вышла опять замуж?

– Нет, – засмеялась Вера. – Я по-прежнему работаю спортивным врачом. А ты не женился? – кокетливо посмотрела на него она.

– Нет. Так и не встретил женщины, похожей на тебя.

Вера с Жаном познакомились давно, лет пятнадцать назад, в Москве на международных соревнованиях по гимнастике. Жан-Поль тогда был в самом расцвете спортивной формы, а она, только что окончив институт, впервые выступала в качестве врача сборной. На одной из совместных дискотек по окончании соревнований они оказались за одним столиком. Разговорившись, они сразу почувствовали друг к другу влечение. Протанцевав весь вечер, они не смогли расстаться и ночь провели вместе у нее дома. На следующий день Вера показывала ему Москву. Они бродили по городу, взявшись за руки, перекусывали на ходу горячими пирожками, а вечером, купив батон белого хлеба и пакет молока, опять занимались любовью всю

ночь. Оба были молоды и свободны и потому с жаром юности отдались этому чувству. Но скоро Жан-Поль улетел во Францию.

Следующая их встреча произошла лишь через пять лет. За это время Вера уже успела побывать замужем и только что оформила развод. Жан уже закончил выступать и работал журналистом. Они очень обрадовались встрече, и бывшее чувство с новой силой вспыхнуло в них. С этого времени они стали встречаться регулярно почти на всех международных соревнованиях, каждый раз с новым подъемом чувств оказываясь в объятиях друг друга. Но, как ни странно, им и в голову не приходило соединить свои судьбы узами брака. Расставания проходили легко. Они не забывали, но и не стремились специально друг к другу. В перерыве между встречами Вера успела еще раз ненадолго выйти замуж, о чем рассказала Жану, как другу, при следующей встрече. Был он посвящен и в неудачные попытки Веры стать матерью. Вот такие своеобразные отношения были между ними.

– Жан-Поль, мне нужна твоя помощь, – под конец вечера подступилась Вера к возложенной на себя миссии.

– Верушка, ты же знаешь, я всегда к твоим услугам. Что я могу для тебя сделать?

– Мне нужно найти дом по этому адресу. – Вера протянула Жану листок бумаги.

– Бульвар Хеллермен, семнадцать, – прочитал он. – У меня есть карта. Не волнуйся, найдем, – успокоил ее он. – Говори, когда ты свободна. Я заеду за тобой на машине и надеюсь, мы прекрасно проведем время, – улыбнулся он ей обворожительной улыбкой, не оставлявшей сомнения в истинном смысле его слов.

Соревнования начинались через день, и следующее утро спортсмены отдыхали после перелета. Поэтому Вера с Жаном договорились встретиться в семь утра. И когда Вера вышла из отеля, синий «Рено» уже ожидал ее напротив входа, а Жан радостно махал ей.

– Это в пригороде, – сказал он, разворачивая карту.

Стояло чудесное воскресное утро. Улицы были пусты, и только дворники размеренно работали метлами, собирая мусор в большие черные пакеты, которые, как дорожные столбы, уже стояли вдоль тротуара. Навстречу им ехал мусоросборник, который длинными руками-манипуляторами закидывал во всепоглощающее лоно эти черные мешки.

– Вот бульвар Хеллермен, – сказал Жан, когда они вырулили на широкую улицу, утопающую в зелени каштанов.

– Вижу номер семнадцать. Вон там, – показала Вера на маленький домик, стоявший немного в глубине.

Они подъехали к нему. Вера торопливо вышла из машины, подошла к калитке и позвонила. В доме не было слышно никакого движения. Подошел Жан и тоже позвонил.

– Может, она спит? А мы приехали в такую рань.

Вера вопросительно посмотрела на Жана, но тот только пожал плечами.

– Вам кого? – услышали они неожиданно французскую речь за спиной.

Жан перевел.

– Нам мадам Северову, переведи ей, – почему-то шепотом сказала Вера.

– Мадам Анну? – спросила небольшого росточка пожилая женщина, выглядевшая весьма элегантно.

Эти слова Вера поняла без перевода и быстро-быстро закивала головой. Женщина что-то коротко сказала и пошла дальше.

– Что она сказала?

– Она сказала, что мадам Анна вчера умерла, – тихо перевел Жан.

– Как умерла? – опешила Вера. – Она же прислала письмо, и у меня к ней посылочка, – растерянно сказала она. – Жан, милый, расспроси ее, пожалуйста, поподробнее, как это случилось. – Вера умоляюще смотрела на Жана.

Тот побежал за женщиной, которая уже открывала ключом соседнюю калитку, и быстро заговорил с ней по-французски.

– Пойдем в машину, – сказал он, вернувшись назад и беря Веру за руку.

Они сели в машину.

– Она говорит, что мадам Анна умерла вчера утром от сердечного приступа. Ее уже увезли в морг. И теперь племянник Филипп будет хозяином дома.

– Как Филипп? – воскликнула Вера. – Дом завещан ее русским родственникам.

Жан только пожал плечами. Вера обескураженно оглянулась вокруг и вдруг заметила, как на крыльце дома семнадцать появился грузный мужчина в полосатом халате. Он, зевая, потягивался на солнце.

– Вон он! – воскликнула Вера, указывая на мужчину. – Пошли быстро к нему.

Они выскочили из машины и опять направились к калитке, у которой только что стояли.

– Месье, месье! – закричала Вера, подбежав первой.

Мужчина удивленно посмотрел в их сторону.

– Можно вас на минутку? – возбужденно прокричала она, отчаянно махая руками.

Мужчина нехотя пошел к калитке, поправляя на ходу халат.

– Чем обязан? – сухо спросил он по-русски, подойдя ближе.

– Мы к мадам Анне, – сказала Вера, внимательно рассматривая его.

Лицо мужчины было небритым, землистого цвета, и казалось каким-то помятым; глаза слегка воспалены, как от бессонной ночи, а довольно пышная шевелюра каштановых волос с проседью торчала в разные стороны. Чувствовалось, что хозяин эту ночь провел не лучшим образом.

– Ее нет. Она умерла.

– Вы – Филипп? – спросила Вера.

– Да, – удивленно посмотрел на нее мужчина. – А кто вы?

– Мое имя вам ничего не скажет. Я из Москвы, привезла мадам Анне небольшой сувенир. Может, вы пригласите нас в дом? – набралась Вера храбрости.

– Проходите, – после небольшого колебания произнес мужчина и открыл калитку.

Вера с Жаном прошли в сад и пошли по дорожке, отделанной камнем, вдоль которой росли цветы всевозможных расцветок, ярко выделяющиеся на ухоженном зеленом газоне. Они подошли к небольшому двухэтажному дому и остановились перед стеклянной дверью.

Филипп открыл дверь и пропустил их в небольшой коридор, сразу переходящий в просторную гостиную. Около окна стоял большой угловой диван, на котором в беспорядке валялись маленькие вышитые крестом подушки. На журнальном столике красного дерева стояли пепельница, полная окурков, и недопитая бутылка виски. Стены гостиной были оклеены обоями коричнево-золотистых тонов и украшены цветущими геранями в кашпо из макраме. В небольшом простенке между окнами висели с десятков фотографий в деревянных рамках. В центре композиции большая цветная фотография женщины лет пятидесяти. Она сидела немного боком, голова чуть повернута, большие карие глаза глядели прямо на смотрящего, легкая улыбка застыла на губах, а вьющиеся светлые волосы изящно обрамляли все еще красивое лицо.

– Примите наши соболезнования, – тихо сказала Вера, усаживаясь на диван. – А это она? – спросила, указывая глазами на фотографию.

– Да. Тетя сделала эту фотографию в день своего пятидесятилетия, она ей очень нравилась, – сказал Филипп, усаживаясь в кресло напротив гостей.

Он успел достать фужеры и теперь открывал бутылку виски, стоящую на столе.

– За усопшую! – сказал он, не поднимая глаз.

– Нет, нет! – в один голос воскликнули Вера с Жаном.

– Я за рулем, – пояснил Жан.

– А мне сегодня работать, – уже спокойно сказала Вера.

– Тогда вина, мы ведь должны помянуть тетушку, – сказал Филипп и направился к бару.

Он принес непечатую бутылку «Бургундского» и, ловко открыв ее штопором, налил в фужеры гостей, а себе плеснул виски.

– Светлая память тете Анне, – поднял он бокал.

– От чего она умерла? – спросила Вера, когда, пригубив немного вина, поставила фужер на стол.

– От старости, сердце не выдержало, – усмехнулся Филипп. – Тетка прожила долгую жизнь, столько люди не живут. Шутка ли – девяносто лет! Она всегда следила за здоровьем, благо во Франции для этого есть все условия. Не то что в вашей России, – поддел он Веру.

– У нас тоже много долгожителей, – отпарировала она. – Какой красивый дом, что же теперь с ним будет?

– Продам его. У тетки не было детей, я – единственный наследник.

– А ведь у мадам Анны есть родственники в России, – тихо сказала Вера. – Такие же племянники, как и вы.

– Может быть, – нехотя согласился Филипп, – но все имущество тетя Анна завещала мне. После смерти сестры – моей матери – я единственный, кто о ней заботился.

Он опять налил себе виски и залпом выпил. В это время рукав халата задрался, и Вера успела заметить синяки на руке, какие бывают от укулов. Филипп избегал глядеть в глаза гостей, его явно мучил похмельный синдром.

– А откуда вы знаете Анну? – поднял все-таки на Веру ословевшие глаза Филипп.

– Я ее не знаю, меня попросили передать презент ее родственники, с которыми она вела переписку.

Вера достала из сумки небольшой сверток и положила на журнальный столик.

– Здесь, наверное, есть письмо? – рассеянно спросил Филипп.

– Не знаю...

Вера неожиданно вспомнила, что забыла письмо в чемодане, но мгновенно решила, что это и к лучшему. Она уже успела оглядеть дом и поняла, что стоит он немало, и естественно, является лакомым кусочком для пьющего и употребляющего наркотики мужчины – в этом у нее уже не было сомнения.

– Очень красивый дом! – постаралась сменить тему разговора Вера. – Можно его посмотреть?

– До чего все женщины любопытны, – усмехнулся Жан, решивший подыграть ей, – все они любят смотреть, сравнивать, хлебом не корми, как говорят русские.

Жан вытащил пачку сигарет и протянул ее хозяину.

– Да смотрите, – бросил Филипп, беря из пачки сигарету.

Вера бросила благодарный взгляд на Жана, встала и вышла из гостиной. Заглянула на кухню – она была светлой и просторной, на столах ничего лишнего, такое помещение легко содержать в чистоте. Небольшая ванная, также сияющая чистотой, была уставлена бесчисленными баночками всевозможных размеров и флакончиками с яркими этикетками. Искусственные цветы придавали милый уют этому гигиеническому помещению, в котором хозяйка, видимо, проводила много времени. Потом Вера поднялась на второй этаж. Там были спальня хозяйки, кабинет и жилая комната, по-видимому, для гостей. Везде был образцовый порядок. В обустройстве комнат чувствовался прекрасный вкус хозяйки: во всех комнатах висели картины, торшер был отделан макраме, а диван и кресла покрывали плед и накидки ручной работы. В спальне на трюмо стояло несколько фарфоровых статуэток, а на тумбочке лежала открытая книга. «Бунин. Избранное», – прочитала Вера на обложке. Она поймала себя на мысли, что дом производит впечатление, будто хозяйка только что вышла по каким-то делам.

Потом она заглянула в кабинет. Солнце радостными лучами пробивалось сквозь тюлевые занавески, играя солнечными зайчиками на блестящей полировке письменного стола. Ее взгляд привлекла небольшая фотография, стоявшая на столе. На ней были изображены две молодые улыбающиеся женщины, между которыми сидел очаровательный малыш, а сзади наклонился над троицей мужчина в форме французского моряка. Вера долго вглядывалась в счастливые лица людей, прежде чем поставила фотографию на место. В большом книжном шкафу стояли книги на русском и французском языках. Жилище не производило впечатления, что здесь жил смертельно больной человек, видимо, смерть хозяйки была неожиданной.

Внезапно взгляд Веры упал на приоткрытую дверцу сейфа, стоявшего в темном углу кабинета на этажерке, которую прикрывала портьера. Что-то кольнуло у нее в груди, она ощутила предчувствие чего-то нехорошего. Еще раз окинув взглядом комнаты, Вера спустилась на первый этаж.

Мужчины неторопливо разговаривали по-французски, затягиваясь сигаретами. Содержимое бутылки с виски заметно уменьшилось.

– Когда похороны? – спросила Вера.

– Завтра будет прощание и отпевание, а потом кремирование. Анна просила похоронить ее рядом с сестрой, там и место ей оставлено.

Жан поднялся навстречу Вере, и попрощавшись с Филиппом, они вышли на улицу. Они молча шли по дорожке к калитке, не замечая красоты ухоженного сада.

– Не нравится мне все это, – сказала Вера, когда они сели в машину. – Не могла она просто так умереть.

– Старушке было девяносто! – воскликнул Жан. – В этом возрасте можно умереть неожиданно. К тому же ты говорила, что она прислала письмо, в котором писала о завещании. Значит, она уже готовилась к смерти.

– Вот это-то меня и настораживает, – возразила Вера. – Ведь Филипп утверждает, что Анна все завещала ему, а Игорь Сергеевич сказал, что в письме она сообщала о своем решении оставить все родственникам, живущим в России. Очевидно, что Филипп пьет и употребляет наркотики. Ты видел его руки?

Жан кивнул.

– Вдруг он узнал о ее решении завещать все русским родственникам и решил поторопить старушку на тот свет, а сам выкрал завещание? – продолжала Вера. – На втором этаже я видела открытый сейф.

– Что же делать? – растерялся Жан.

– Я не знаю, как во Франции, – медленно произнесла Вера, – а в России в течение полугодя наследники могут заявить о своих правах, и кто не успеет, тот потом ничего и не получит. Филипп надеется, что русские родственники не узнают о смерти Анны и все достанется ему.

– Но есть же еще письмо, – усмехнулся Жан. – Филипп прочтет его, и это подстегнет его.

– Не прочтет. Его там нет.

Жан удивленно посмотрел на нее.

– Я забыла его в номере, – спокойно сказала она. – Но как бы узнать о правовой стороне вопроса? К тому же если было завещание, – продолжала рассуждать она, – значит, был и нотариус, а у него должна храниться копия. Но как найти этого нотариуса в огромном Париже?

– Русские сказали бы, как найти иголку в стоге сена? – блеснул знанием русских фразеологизмов Жан.

– Вот именно – иголку в стоге сена. Поль, ты скоро совсем обрусеешь, – улыбнулась ему очаровательной улыбкой Вера. – Поль, голубчик, ты должен мне помочь. Я же ничего и никого здесь не знаю. Но нельзя упускать время, потом может быть поздно.

– Но тебе-то что с этого? – недоумевающе посмотрел на нее Жан. – Тебя попросили только передать привет, а не вести расследование.

– Но кто же это сделает кроме меня? Никто не сможет приехать в Париж так быстро... Нет, я обязана что-то предпринять. Но что? – Вера вопросительно посмотрела на Жана.

– Тебе надо сходить в российское консульство, – после продолжительного молчания изрек Жан.

– Поль, дорогой, ты умница! – бросилась ему на шею Вера. – Поехали, заводи!

– Куда?

– В консульство.

– А где оно находится?

– Не знаю, – засмеялась Вера.

– Так, Верунчик, давай не будем терять голову. К тому же сегодня воскресенье. Сейчас я отвезу тебя в отель, а сам разузнаю, где оно находится, и позвоню тебе.

– Хорошо. У нас есть две недели, мы должны все разузнать за это время, – согласилась она.

Глава 8

На следующий день, когда со спортсменами усиленно занимались тренеры, Вера с Жаном отправились в российское консульство, располагавшееся в небольшом особнячке на бульваре Ланнес. День выдался жарким, но внутри помещения кондиционеры создавали приятную прохладу. Вера ожидала увидеть здесь суету и толчею, но была приятно удивлена спокойной атмосферой, царившей в стенах консульства, – люди не спеша входили и выходили из кабинетов, немногочисленные посетители сидели в уютных креслах и листали русские журналы, ожидая приема.

Они медленно шли по широкому коридору, читая таблички над дверями. Увидев надпись: «Консул», Вера остановилась и огляделась – перед кабинетом никого не было, она постучала.

– Войдите, – услышала она молодой женский голос, видимо, секретарши.

Вера с Жаном вошли в приемную.

– Что вы хотели? – спросила молодая симпатичная женщина в элегантном белом брючном костюме, оторвав взгляд от монитора.

– Мы хотели бы поговорить с консулом, – сказала Вера.

– По какому вопросу?

– По личному.

– Виктор Петрович сейчас в отпуске, будет через неделю. По личным вопросам принимает его заместитель Сергей Дмитриевич. Скажите вашу фамилию, – секретарша мило улыбнулась. – Подождите, пожалуйста, сейчас он освободится, – показала она на кресла около окна, заноса что-то в компьютер.

Вера с Жаном сели в кресла. Жан принялся листать журнал, а Вера – внимательно рассматривать комнату, которая была приемной двух кабинетов. Минут через пять левая дверь открылась, и из нее вышли двое мужчин, которые продолжали на ходу оживленно разговаривать.

– Рад был тебя видеть. Будешь свободен – заходи, – сказал высокий брюнет, обнимая на пороге кабинета приятеля. – Вы ко мне? – увидев посетителей, обратился он к Вере.

– Сергей Дмитриевич, это к вам, – пришла на помощь Вере секретарша, увидев ее замешательство.

– Прощу вас, заходите, – заместитель консула внимательно смотрел на Веру.

Вера с Жаном прошли в небольшой кабинет. Плотные светлые портьеры полностью закрывали окно, и мягкий свет проникал в помещение, в котором было прохладно и тихо, и только размеренный гул кондиционера нарушал эту неестественную тишину.

– Садитесь, пожалуйста, – заместитель консула указал на стулья около большого письменного стола. – Вы давно из России? – посмотрел он на Веру.

– Два дня.

– Как хочется домой. Чем ближе отпуск, тем сильнее хочется на родину, – вздохнул он и, улыбаясь, посмотрел на Жану.

Заместитель консула находился в благодушном настроении, и ему хотелось поговорить.

– Что привело вас к нам? – наконец по-деловому спросил он, переводя взгляд с Жана на Веру и наоборот.

– Я не знаю, с чего начать, – неуверенно начала Вера, – но меня попросили передать привет из России одной женщине, и оказалось, что она умерла... скорострительно.

– Ну что ж, всякое бывает в жизни. Сколько лет было женщине?

– Лет ей было много – девяносто. Но я уверена, что дело тут нечисто. Незадолго до смерти она прислала письмо в Россию, в котором писала, что завещает все свое имущество русским

родственникам, потому что ее единственный племянник, живущий в Париже, пьет и употребляет наркотики. Вскоре после этого она умирает, а ее племянник говорит совсем о другом тексте завещания. – Вера внимательно смотрела в глаза замконсула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.